

Театр - это болезнь. Кто однажды связал свою жизнь со сценой, уже не сможет выйти из-под ее влияния. Так произошло и с Александром Ряписовым. После окончания школы N 32, которая в те годы считалась политехнической, прямая дорога ему была в УПИ, куда Александр и поступил на механико-машиностроительный факультет. За плечами была еще музыкальная школа по классу скрипки, организация школьных дискотек и художественная самодеятельность. Все это помогло сразу стать своим в студенческих кругах.

Первые два курса пролетели незаметно, не особенно напрягая, а на третьем пришлось задуматься: своим ли делом занят? Ответ самому себе заставил жизнь изменить, как говорят, в корне. В театр-студию “Вариант” пришел новый актер, в Свердловский театральный институт - еще один студент из Первоуральска.

Накануне Нового года горожане познакомились с премьерой муниципального театра драмы - спектаклем “Лгунья” в постановке Александра Ряписова. Это первая большая работа молодого режиссера. Сегодня он - гость редакции.

-В год юбилея театра тебе исполнится 30, сколько лет из них в театре?

-Семь лет. Пришел я еще в театр-студию. Правда, был перерыв, когда я уезжал в Сызрань. Наверное, и продолжал бы играть на сцене Сызранского драматического театра, но не отпускали на учебу, и я вернулся обратно.

-Знаю, ты учился на актерском...

-Закончил. Теперь второй курс режиссерского факультета.

-Твое знакомство с театром - случайное?

-Можно и так сказать. С Сергеем Николаевичем Губарем и его ребятами мы, это группа “Кава”, познакомились на свадьбе. Увидев, как мы работаем, он пригласил нас к себе. Мы начали с литературно-драматической композиции, посвященной очередной годовщине Октября. Потом пошли концерты.

-А твоя первая роль?

-В спектакле по пьесе молодого драматурга Ликсперова “Река на асфальте”. Это пьеса на двоих. Репетировал с одной актрисой, играл с другой - Натальей Лемешевской. Играл я молодого парня, немного шизофреника, с суицидными наклонностями, который весь спектакль пытался покончить с собой. Девушка его вернула к жизни. Лирический спектакль.

-Что дала первая роль? Окрылила?

-Нет. У нас интересный театр, но творческие ориентиры я получил в институте, и все самые запоминающиеся моменты связаны с учебой. Театр - это прежде всего производство. Здесь учиться некогда, надо делать. Если в институте процесс поэтапный, то в театре - сразу.

Еще так получилось, что первые четыре года особого внимания на меня в театре не обращали. Были свои “звезды”, на которых строился репертуар. А я за четыре года сыграл всего пять ролей.

Я поверил-то в себя по-настоящему, когда уехал. В Сызранской драме в течение одного сезона играл в пяти спектаклях.

А. Островский “Не было гроша, да вдруг алтын”. Елеса с Ларисой (А.Ряписов и Н. Лемешевская)

Ощутимая разница. Там я сразу почувствовал другое отношение, но самое главное, что дала первая роль, - я встретил Наташу и она стала моей женой.

-Но ведь когда ты приехал обратно, тебе предложили высокую актерскую ставку?

-Так получилось, что расстались мы с С.Н.Губарем на конфликте. В том, что касается работы, я хочу всего и сразу. Молодой был, горячий. В общем, “нашла коса на камень”.

Когда вернулся, все понимали, что Сергей Николаевич первым на контакт не пойдет. Поэтому мне пришлось смять свои эмоции и амбиции. Мы поняли друг друга. Последние полтора года нашей совместной работы меня все устраивает. Сергеем же Николаевичем для плодотворной работы важно испытывать доверие к человеку.

Да, разряд мне дали высокий, но прецедент в другом. В неполные 28 лет я получил ставку режиссера-постановщика, не имея режиссерского образования. Я понимаю, что это аванс, его, естественно, надо отработывать.

-Твой первый режиссерский опыт?

-Режиссурой я начал заниматься еще до театра, в самодеятельности. В музыкальной и средней школе, в политехническом я всегда играл. Режиссура такое слово, значение которого я сам до конца не понимаю. В школе N 32 упор делался на политехническое образование, гуманитарное оставалось в стороне. Поэтому мозги устроены таким образом, что все надо анализировать. Сложность работы актера с режиссером заключается в том, что актер должен поверить в режиссера. А мне надо самому во всем разобраться. И вокруг начали говорить: “Он метит в режиссеры”. Хотя никуда я не метил. Но, когда изо дня в день повторяют одно и то же, поневоле “захрюкаешь”.

-Ты закончил музыкальную школу, учился в УПИ, а стал актером и режиссером. Как и когда происходит осознание того, что ты знаешь не своим делом?

-Любая работа, творчество, важен инструмент. С первого курса УПИ мы влились в стройотрядовское движение. Все эти знаменки, слеты, фестивали, конкурсы - везде успевали. И это было интересно.

А на третьем курсе появился предмет “Детали машин”. Надо было придумать редуктор. Я сразу понял, для меня это темный лес. Я владею техникой, могу рассчитать, но придумать новое... И я пошел в армию, где жизнь свела с ювелирами, художниками, мозаичниками и т.д. Я узнал столько нового, о чем и не подозревал. Это была уже другая профориентация.

После армии вернулся в УПИ, но еще раз понял, что редуктор мне не одолеть. Сейчас с “высоты прожитых лет” я могу говорить, что я тогда понял, что для себя инструментом являюсь я сам. И уклон в режиссуру вызван образом мыслей - аналитическим. Сейчас занимаюсь тем, что тренирую глаза и уши, учусь отличать плохое от хорошего, правду от неправды.

-Сколько спектаклей ты уже поставил?

-Три. Две сказки и один - вечерний. Был соавтором в постановке двух спектаклей. Мощным стимулом для меня было то, когда Мастер (так называют руководителя курса в театральном институте, доцента, заслуженного деятеля искусств В.И.Анисимова) перенесил дипломный спектакль и ввел четырех актеров из нашей труппы, доверил мне проведение репетиций. Тогда я впервые подумал, что тоже могу.

-Репертуар для постановок ты выбираешь сам?

-Сейчас в театре сложилась такая ситуация, что наконец-то репертуар утверждается коллегиально. Создан худсовет. Конеч-

но, у каждого есть и свой портфель. Что касается “Лгуньи”, предложил я. А выбор стоял между “Лгуньей” и “Тем самым Мюнхгаузеном”. Я хотел поставить именно эту пьесу, потому что, как мне кажется, наш зритель такого еще не видел. Приезжавшие в город театры таких пьес не привозили. Она легкая, смешная. А зритель хочет отдыхать. Основная масса настроена на развлечения.

-Актерский состав “Лгуньи” ты тоже сам подбирал?

-Тут очень многое сошлось. Мне, конечно, хотелось, чтобы моя первая режиссерская работа получилась удачной. Очень трудно собрать единую команду, потому что все слишком разные. В “Лгунье” ансамбль получился. И все наконец-то поняли, что мы можем создавать и работать в ансамбле.

К 10-летию театра я хочу сделать рассказы В.Шукшина, но опять же подобрать коллектив. Работать в коллективе, к сожалению, могут не все.

Актеры - удивительные люди. Чаще всего им не удается сыграть то, что хочется.

С.Ласкин “Палаумыч” (Павел Наумыч Несынбаум)

Волей-неволей приходится себя ломать. Сейчас, например, С.Н.Губарь ставит А. Островского “Без вины виноватые”, и у него свое видение кому кого играть. Не всегда актеры согласны с его решением. Но в том и удивительность нашей труппы, что нет ярко выраженных амплуа. У нас в основном характерные актеры.

-Когда планируется выпустить этот спектакль?

-В марте, к юбилею театра и С.Н.Губаря. -Поработав в Сызрани и здесь, ты уже можешь сравнивать, где легче и в чем главная трудность?

-Трудности в том, что мы никак не можем наладить работу производственных цехов. Любой театр, который “перескочил” 30-летний рубеж, имеет налаженное производство: швейные, костюмерные, гримерные, реквизиторские цехи и т.д. И если коллектив тебя не отторгает, то работать легко. Таких головных болей, как у нас, нет. Человеку незнакому с театральным производством трудно объяснить. Артист обязан прийти на спектакль за 40 минут, в гримерной его должен ждать чистый, отглаженный костюм и все, что необходимо к спектаклю. Задача артиста - играть, все остальное - не его забота. Мы никак не можем усвоить, что каждый должен заниматься своим делом, и в соответствии с этим организовывать производственный процесс.

Репертуарную политику мы сейчас стараемся строить так, чтобы задействовать школы, Дворцы культуры, клубы. Сегодня - это способ выживания.

-Чем ты занят помимо театра?

-Учебой. Сессии отнимают большую часть времени и сил. Приезжаешь в институт и сходу надо включаться в процесс. На последней сессии в октябре мы как раз занимались классикой. За три недели я сдал шесть сцен. Это только то, что зачли, не говоря уже о том, что делал. Можете себе представить, сколько сил затрачено. После такой гонки возвращаешься в театр и кажется, что все идет очень медленно. Я бы не сказал, что сложно учиться и работать. Больше волнует другое, что мы опардываем. Не раз говорили об этом с Юрой Крыловым, он считает: опережаем. Это относится не к театру даже. Это моя проблема. Жизнь уходит, надо успевать, а не догонять.

-Многие режиссеры предпочитают работать со “своими” актерами, а как ты? Есть артисты, которых ты “открыл”?

-Да, есть. Когда встречали Новый год, каждый говорил; что этот год принесет. Не для кого-то, а для себя. Я очень рад тому обстоятельству, что за прошедший год сумел открыть для себя, для театра актер Бориса Терентьева. Я не могу сказать, что это мой актер, опыт работы пока еще маленький, но мне нравится это делать: найти и показать артиста с той стороны, с которой его не знали.

-За пределами театра бытовые проблемы тебя тяготят или в стороне остаются?

-Быт меня не заедает. Хотя обязанностей в семье у меня достаточно много. Жена замечательная, и дома все хорошо. Проблемы я несую домой с работы, а это не всегда нравится, Наташа тоже работает в театре и быстрее меня устает от разговоров о работе.

-Кстати, что сейчас происходит с группой “Кава”?

-Когда я вернулся из Сызрани, мы сделали концерт на основе русского фольклорного театра, но показывали его не очень много, все постепенно ушли в свои дела. Вообще, этот “треугольник” всегда имел тяготение к размыканию граней. Но это естественный процесс. Будем считать, что данный отрезок времени - это очередной виток в развитии группы. Сейчас интересы расходятся, нет организатора, который “кнутым и пряником” подгонял бы нас, но, когда мы вместе, это единый коллектив.

В апреле прошлого года мы давали концерт в кафе “Славянка” для чернобыльцев. Пришло больше ста человек, обстановка была напряженная, во всяком случае выходя из-под контроля организаторов. Произносимые тошты вызвали агрессивность. Организаторы чувствовали, что атмосфера накаляется все больше и больше, дали команду: “Давайте, вы”. Мы спели простую песню “Когда простым и нежным взором...” Переглянулись и, не сговариваясь, вот где творчество, спели ее так, как будто вокруг Александры Матросовы, закрывавшие собой амбразуры. Выложились за полторы минуты так, что ощущение войны отступило. У людей лица разгладились, они начали нормально говорить друг с другом. И дальше вечер развивался как должно: мы пели, люди отдыхали. Такие моменты приятно вспоминать, потому что мы - три человека объединились в одно целое.

-А какие перспективы ты видишь для театра?

-О перспективах можно будет говорить, когда изменятся взаимоотношения театра и зрителя. А это возможно при условии, что в театре соберется коллектив подвижников, таких, как Сергей Николаевич Губарь, и безоговорочно последует за ним, или труппа, которая будет ориентирована на развитие, самостоятельную работу, когда каждый будет знать, чем и для чего он занят.

Вообще, ощущение свободы при полной закрепованности и зависимости от обстоятельств и других людей - это проблема каждого в любом коллективе. Я пока для себя ее решить не могу. Не могу найти ту грань, балансируя на которой, чувствуешь себя свободным, не тяготясь зависимостью. Поэтому говорить о своих перспективах в театре, мне кажется, преждевременно. Мне до сих пор хочется все и сразу.